

Н. Д. Кочеткова

ЛИТЕРАТУРА
РУССКОГО
СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Василий Павлович Зинovieв -
замечательному ученому, проф.
исследователю пути к Каравану,
- мудрому и доброму человеку, -
с искренней благодарностью.

29.IX.94

Иванова

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

Н. Д. Кочеткова

ЛИТЕРАТУРА
РУССКОГО
СЕНТИМЕНТАЛИЗМА
(Эстетические
и художественные
искания)



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1994

1-980528

Введение

В истории русского литературно-общественного движения конец XVIII—начало XIX в. — один из самых сложных и противоречивых периодов. Именно с этим временем связано представление о расцвете русского сентиментализма. За последние десятилетия в современной науке много было сделано для выяснения характера этого литературного направления, его идеологической основы и художественных особенностей. Тем не менее споры, которые велись о сентиментализме на протяжении полувека, не прекращаются и поныне. До сих пор нет единодушия среди исследователей в употреблении и толковании самих терминов: «сентиментализм» и «преромантизм» («предромантизм»).

Иногда преромантизм рассматривают как одно из течений сентиментализма. В других случаях сентиментализм предстает как направление, вливающееся в широкое движение, предшествующее романтизму. Подчеркивая внутреннюю близость понятий «сентиментализм» и «предромантизм», Л. В. Пумпянский предложил следующее определение: «Сентиментализм есть <...> преромантическое направление, связанное с совершенно отчетливым морально-общественным мировоззрением, мировоззрением демократии (чаще всего — буржуазной), вступающей в глубокий конфликт с окружающим ее сословно-абсолютистским обществом и его государственностью».¹ Рассматривая русскую литературу в соотнесенности с крупнейшими аналогичными явлениями европейской культуры, исследователь пришел к выводу о том, что «в сентиментализме надо видеть наиболее полное осуществление всех тенденций преромантической поэзии».²

Концепции вульгарного социологизма пагубно сказались и на изучении сентиментализма: вместе с этим термином часто употреблялись определения «реакционный», «консервативный» и т. п. Тем не менее в 1930—1950-е гг. художественные достижения этого направления были предметом глубокого анализа в ра-

¹ Пумпянский Л. В. Сентиментализм // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4; Литература XVIII века. Ч. 2. С. 436.

² Там же. С. 437.

ботах Г. А. Гуковского и Л. И. Кулаковой, особое внимание уделявших творчеству М. Н. Муравьева.³

Традиционно представление о русском сентиментализме связывалось, однако, прежде всего с именем Н. М. Карамзина. Своеобразная «реабилитация» писателя, начавшаяся с конца 1950-х—начала 1960-х гг., способствовала серьезному изучению его литературных и исторических сочинений. За последние три десятилетия появилось значительное число как советских, так и зарубежных исследований, посвященных литературной, издательской, переводческой, историографической деятельности Карамзина.⁴ В работах В. В. Виноградова, Ф. З. Кануновой, О. Б. Кафановой, Е. Н. Купреяновой, Э. Г. Кросса, Ю. М. Лотмана, Г. П. Макогоненко, Г. Роте, Г. Хаммарберг и др. была прослежена эволюция общественных и эстетических взглядов писателя, показана его роль в развитии отечественной литературы и языка.

Все больше внимания стало уделяться и изучению русско-европейских культурных связей в период становления и расцвета русского сентиментализма. Для России конца XVIII—начала XIX в. эта проблема особенно актуальна, так как переводная литература составляла в это время весьма существенную часть всей книжной продукции, оказываясь неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры. Первостепенное значение в этой связи имеет выявление источников многочисленных публикаций в периодических изданиях и сборниках, существенно уточняющее характеристику того или иного печатного органа или представление о литературной ориентации какого-то литератора или группы литераторов.⁵

Фундаментальная книга В. М. Жирмунского, исследования Р. Ю. Данилевского, П. Р. Заборова, Ф. З. Кануновой, Ю. Д. Левина, Ю. М. Лотмана и других авторов дают разностороннее представление о восприятии в русской культуре важнейших произведений европейского сентиментализма: романа И. В. Гете «Страдания молодого Вертера», творчества Ж.-Ж. Руссо, Л.-С. Мерсье, Дж. Томсона, Э. Юнга, Л. Стерна, С. Геснера и др. В работах П. Бранга, Г. Гиземанна, Х. Кайперта, А. Г. Кросса и других зарубежных ученых обращено внимание на русские переводы произведений О. Голдсмита, Х. Ф. Геллерта, Й. Я. Душа, А. Коцебу, Э. Х. Клейста.

Тем не менее вопрос о восприятии европейской литературы

³ Работы названных здесь и далее исследователей указаны в приложенной «Избранной библиографии».

⁴ См.: Н. М. Карамзин: Биобиблиографический указатель / Сост. Н. И. Никитина, В. А. Сукайло. Науч. консультант М. П. Чередникова. Отв. за вып. И. Э. Барановская. Ульяновск, 1990. В «Указателе» учтены издания, появившиеся на русском языке с 1959-го по конец 1988 г.

⁵ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. Дис. ... доктора филол. наук. Л., 1990. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР).

сентиментализма в России далеко не исчерпан. Этот процесс может быть понят более глубоко благодаря новым сопоставлениям с произведениями уже названных писателей (особенно в связи с изучением исключительно многогранной проблематики творчества Руссо), а также целого ряда авторов менее крупного масштаба, но вызывавших серьезный интерес русских литераторов конца XVIII—начала XIX в., например Х. Ф. Вейсе, И. Г. Кампе, К. Ф. Мориц и др.

Важен и другой вопрос — о специфике сентименталистского восприятия европейских произведений, связанных с другими направлениями. Показательна в этом отношении, например, история русского классицизма или трактовка поэтики Н. Буало в России на рубеже столетий (работы Ю. Д. Левина, А. М. Пескова).

Параллели с европейской литературой необходимы и при изучении отдельных жанров русского сентиментализма. Существенные наблюдения в этом плане были сделаны исследователями, обратившимися к истории русской повести конца XVIII—начала XIX в.: П. Брангом, М. В. Ивановым, Ф. З. Кануновой, С. Э. Павлович, Н. Н. Петруниной. Именно этот жанр, выдвинутый на первый план новым направлением, отразил многие его существенные черты. То же можно сказать и о жанре сентиментального путешествия, изучавшегося преимущественно на материале произведений Карамзина и Радищева (работы К. Н. Атаровой, Л. И. Кулаковой, Е. Н. Купреяновой, Ю. М. Лотмана, Г. Роте и др.). Свидетельством современного читательского интереса к русской сентиментальной прозе служат переиздания ее текстов.⁶

Другие жанры литературы русского сентиментализма исследованы меньше. Правда, сентименталистские тенденции в драматургии прослеживались достаточно подробно в коллективных трудах по истории русского театра XVIII—XIX вв., а также в работах В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Е. Д. Кукушкиной, Л. И. Кулаковой, Т. М. Родиной, Ю. В. Стенника и др. «Слезной драме» посвящена специальная монография Х. Шлитера, ограниченная, правда, достаточно узкими хронологическими рамками: 1750—1780. В «Истории русской комедии» (1977) П. Н. Беркова содержатся развернутые и глубокие характеристики творчества П. А. Плавильщикова, Н. Н. Сандунова и ряда драматургов, в большей или меньшей степени причастных к сентиментализму.

Переходный характер этого направления, которое служит «промежуточным этапом» между классицизмом и романтизмом,⁷

⁶ См.: Русская сентиментальная повесть / Сост., общая ред., вступ. ст. и коммент. П. А. Орлова. М., 1979; Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М., 1990.

⁷ Этот переходный характер сентиментализма определяет и некоторые его черты как «вторичного стиля», по терминологии Д. С. Лихачева. См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 176.

наиболее ярко проявился в поэтических жанрах. Соответствующее место им уделяется в исследованиях, посвященных идиллии, элегии, малым стихотворным жанрам (работы В. Э. Вацууро, И. Клейна, Б. Кронеберга, Р. Лауэра, Л. Г. Фризмана и др.).

Роль, которую сентиментализм сыграл в развитии русской журналистики и критики, освещена в книгах П. Н. Беркова, В. Г. Березиной, Н. И. Мордовченко, В. И. Кулешова.

Одновременно с изучением отдельных жанров интерес историков литературы все более сосредоточивался и на выявлении специфики сентиментализма как художественного направления. Важную роль в этом отношении сыграли статьи Х. Грассгофа. Обратившись к произведениям Стерна, Руссо, роману Гете «Страдания молодого Вертера» и сочинениям Карамзина, исследователь показал, что сентиментализм «никоим образом не принадлежит к незначительным течениям»: «Едва ли можно себе представить, что без глубокого анализа человеческой психики и различных душевных переживаний мог бы найти художественное выражение внутренний мир как романтического, так и реалистического героя».⁸

Последовательно пользуясь термином «сентиментализм», Е. Н. Купреянова в ряде своих исследований обратила внимание на своеобразие этого направления в России: его органичную связь с европейской культурой и вместе с тем его роль в «национальном самоопределении русской литературы».⁹ Говоря о сентиментализме как общеевропейском явлении, Е. Н. Купреянова особо выделила «Исповедь» Руссо, открывшую «противоречивость внутреннего мира индивидуального человека». «Относить это открытие за счет романтиков несправедливо, — писала исследовательница, — если только не перекрестить самого Руссо из просветителя и сентименталиста в романтика».¹⁰

Второй том обобщающего труда — четырехтомной «Истории русской литературы», вышедший под редакцией Е. Н. Купреяновой, носит характерный подзаголовок: «От сентиментализма к романтизму и реализму». Говоря о процессе литературного развития в России конца XVIII — начала XIX в., Е. Н. Купреянова отвела исключительно важную роль сентиментализму: «На протяжении первого десятилетия XIX в. сентиментализм остается самым популярным, но, естественно, далеко не единственным направлением русской литературы. Заняв командное положение

⁸ Грассгофф Г. О роли сентиментализма в историческом развитии русской и западноевропейской литератур // Славянская филология: Материалы от V Международного конгресса на славистике. София, 1966. Т. 8: Литературознание. С. 21. Доклад был положительно оценен в выступлениях участников съезда — П. Н. Беркова и З. Либера (Польша) (см.: Там же. С. 29—30).

⁹ Купреянова Е. Н. Русский роман первой четверти XIX века: От сентиментальной повести к роману // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 66.

¹⁰ Купреянова Е. Н. Историко-литературный процесс как научное понятие // Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Л., 1974. С. 37—38.

в прозе, успешно соперничая с классицизмом в поэзии, именно сентиментализм, а не романтизм, как это теперь принято думать, противостоит в первое десятилетие XIX в. классицизму, расчищая путь романтизму, и уступает ему свое место не ранее середины или даже конца следующего десятилетия».¹¹

Эта концепция во многом была подтверждена конкретными исследованиями, прежде всего связанными с изучением творчества Карамзина. Правда, далеко не все историки литературы, обращающиеся к анализу его произведений, относят их исключительно к сентименталистскому направлению. Другие ограничиваются традиционным упоминанием о том, что Карамзин — глава русского сентиментализма или просто — писатель-сентименталист. Тем важнее представляется задача, сформулированная еще в 1960-е гг. Ф. З. Кануновой, которая писала о необходимости «исследования сентиментализма писателя, определения его эстетического, историко-литературного значения».¹² Выступая против наметившихся тенденций вывести художественное творчество Карамзина за пределы сентиментализма, Ф. З. Канунова пришла к убедительному выводу: «Значение Карамзина-писателя (...) нужно видеть не в том, что он порывает с эстетикой сентиментализма, а в том, что он создает и совершенствует ее».¹³ Поэтому вполне закономерно, что именно на примере творчества Карамзина дается общая характеристика этого литературного направления и в учебниках, и в общих курсах по истории русской литературы. Так, повесть «Наталья, боярская дочь» рассматривается В. И. Федоровым как типичный образец сентиментализма, хотя она «включила в себя элементы нарождающегося романтизма и сохранила ряд характерных традиционных особенностей, укоренившихся ранее в русской литературе».¹⁴

До сих пор, к сожалению, еще недостаточно изучены творческие связи Карамзина и его современников. В частности, в самом общем плане ставился вопрос о преемственности, существующей между Муравьевым и Карамзиным, с одной стороны, и Карамзиным и так называемыми «карамзинистами» — с другой. Между тем обращение к этим проблемам поможет выявить черты русского сентиментализма как направления и проследить его эволюцию.

Вопрос о хронологических границах русского сентиментализма решался и решается исследователями по-разному. Еще Г. Н. Пospelов обратил внимание на оды М. М. Хераскова 1760-х гг., в которых явственно обнаруживаются сентименталистские тен-

¹¹ Купреянова Е. Н. Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX в. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 18.

¹² Канунова Ф. З. Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 9.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979. С. 108.

денции. Эти наблюдения были продолжены другими историками литературы: К. А. Назаретской, М. А. Макиной (на материале поэм Хераскова), Л. М. Пастушенко (на материале пьес Хераскова) и др. В то же время однозначное определение творчества этого писателя было бы неправомерным, как явствует из работ названных авторов. Стремясь найти термин, отражающий причастность Хераскова к двум разным направлениям, английский исследователь М. Грин определил творчество писателя как «сентиментализм в его классицистической стадии».¹⁵ При всей спорности этого термина он интересен как попытка выделить раннюю стадию сентиментализма и подчеркнуть его связь с предшествующим направлением.

Разумеется, невозможно с точностью до года указать, когда именно в русской литературе начался сентиментализм: речь идет о десятилетиях. Истоки его можно искать не только в 1760-е гг., но даже и раньше; оформляется же он как направление, скорее, уже в 1770-е гг.

Значительно сложнее установить, когда происходит кризис направления. При решении этого вопроса возникает особенно много споров, непосредственно связанных и с проблемой разграничения сентиментализма, предромантизма и романтизма.

Несомненный интерес в этом отношении представляет собой монография канадского слависта Р. Нойхойзера «На пути к эпохе романтизма. Очерки сентиментальной и преромантической литературы в России».¹⁶ В этой книге подробно рассматривается взаимодействие литературных направлений (*movements*) и течений (*trends*) в русской литературе на протяжении 1750—1815 гг. Признавая вслед за другими исследователями, что сентиментализм начинается в 1760—1770-е гг., Р. Нойхойзер выделяет затем три «течения», которые последовательно сменяют друг друга, хотя частично и сосуществуют: «морально-дидактический сентиментализм», развивающийся преимущественно на первом этапе; «сентиментальный эстетизм», появляющийся с 1780-х гг.; наконец, «преромантизм», проявляющийся уже в творчестве Карамзина 1790-х гг., а затем находящий выражение в произведениях Г. П. Каменева, Андрея Тургенева, Н. И. Гнедича и других писателей начала XIX в. Убедительно полемизируя с Д. Чижевским, который считал сентиментализм лишь формой позднего

¹⁵ См.: Green M. Diderot and Kheraskov: Sentimentalism in its Classicist Stage // *Russia and the West in the Eighteenth Century*. Newtonville (Mass.), 1983. P. 206.

¹⁶ Neuhäuser R. Towards the Romantic Age: Essays on sentimental and preromantic literature in Russia. The Hague, 1974. Концепция, изложенная в этой книге, явилась развитием основных положений, с которыми автор выступил в опубликованной ранее статье: Neuhäuser R. Periodization and Classification of Sentimental and Preromantic Trends in Russian Literature between 1750 and 1815 // *Canadian Contributions to the Seventh International Congress of Slavists*. 1973. P. 11—39. Рецензии на книгу Р. Нойхойзера см.: Smith G. S. // *Modern Language Review*. 1976. № 1. P. 239—240; Левин Ю. Д. Три книги канадских русистов // *Рус. литература*. 1978. № 3. С. 204—206.

классицизма, Р. Нойхойзер на основе своего исследования сделал справедливый вывод о том, что сентиментализм был самостоятельным литературным направлением со своими собственными общими философскими предпосылками и определенными эстетическими, стилистическими и лингвистическими нормами.¹⁷

Стремление автора дифференцировать разные стадии в развитии этого направления представляется вполне правомерным, однако трудно согласиться с предложенной схемой. В ряду теоретиков сентиментализма у Р. Нойхойзера оказываются не только Муравьев и Карамзин, но и Н. П. Николев, и теоретик искусства П. П. Чекалевский, которые во многом оставались еще сторонниками и пропагандистами классицизма.¹⁸ В то же время основные произведения Карамзина, созданные в XVIII в., исследователь рассматривает как явление преромантизма, видя уже в письмах Карамзина к И. К. Лафатеру, относящихся преимущественно к концу 1780-х гг., выражение более преромантических, чем сентименталистских взглядов. Муравьев назван в одном случае сентименталистом позднего периода, в другом — «ранним сентименталистом», и, наконец, говорится о «преромантических мотивах» в творчестве Муравьева и А. М. Кутузова; последний по схеме отнесен к «сентиментальному эстетизму».¹⁹ Главным же представителем русского сентиментализма автор считает не Карамзина, а Дмитриева. При этом деятельность этих писателей, тесно связанных не только дружбой, но и общими литературными интересами, решительно противопоставляется. Каждый из них, безусловно, представляет собой достаточно яркую индивидуальность, творчество каждого имеет свой особый характер, но стремление разграничить их деятельность, относя к разным направлениям, приводит к односторонним и едва ли оправданным выводам. Так, на примере творчества Дмитриева Р. Нойхойзер стремится показать, что писатель-сентименталист хочет достигнуть гармонии в своих отношениях с обществом, природой и литературной традицией. Однако именно Дмитриев, а не Карамзин вступает в самую решительную полемику с современными одописцами: пародийный «Гимн восторгу» (1792), сатира «Чужой толк» (1794). Характерно, что и позднее, в первые десятилетия XIX в. поэт принимал самое деятельное участие в литературной борьбе. В то же время его письма, которые «писаны в мундире», «меньше всего соответствуют традиционному представлению о чувствительном письме XVIII столетия».²⁰ Трудно также согласиться с утверждением Р. Нойхойзера, что басня — «предпочти-

¹⁷ См.: *Neuhäuser R. Towards the Romantic Age.* P. 258.

¹⁸ См.: *Альтшуллер М. Г. «Лиро-дидактическое послание» Н. П. Николева // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 339. Сер. филол. наук. 1968. Вып. 72. С. 208—214; Коваленская Н. Н. История русского искусства XVIII века. М., 1962. С. 116—118.*

¹⁹ Эта противоречивость была отмечена и зарубежным рецензентом книги Дж. Смитом. См.: *Modern Language Review.* 1976. № 1. P. 239—240.

²⁰ *Вацуро В. Э. Комментарии к письмам И. И. Дмитриева // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 444.*

тельный жанр сентиментализма». Не в меньшей, а значительно в большей степени этот жанр привлекал к себе внимание писателей русского классицизма.²¹ Если же говорить о явлениях, непосредственно предварявших романтизм, то их также совсем нетрудно найти в творчестве Дмитриева. Достаточно вспомнить в этой связи замечание В. Г. Белинского по поводу стихотворения «Ермак» (1794): «...Дмитриев потому только не был прозван романтиком, что тогда не существовало еще этого слова».²²

При всей спорности предложенной в книге Р. Нойхойзера классификации направлений, здесь хорошо показано, насколько сложно и противоречиво творчество русских писателей, традиционно называемых сентименталистами. Так же как и в русском классицизме, в направлении, пришедшем ему на смену, были разнотипные и даже противоборствовавшие тенденции. Творчество любого достаточно крупного писателя XVIII в. редко вмещается в рамки лишь одного направления: идет ли речь даже о Ломоносове и Сумарокове или о Хераскове, Карамзине, Дмитриеве и т. д. Если же говорить именно о направлении, то невозможно ограничиться несколькими именами. Нельзя искусственно выделять ни Дмитриева, ни тем более Карамзина из живого историко-литературного процесса, стремясь во всем противопоставить Карамзина и «карамзинистов». Для характеристики сентиментализма как направления необходимо обращение к творчеству и крупнейших его представителей, и многочисленных писателей второго, третьего ряда, и даже так называемых эпигонов, в чьих произведениях иногда особенно заметны самые типичные черты культурного сознания эпохи.

Расширение привычного круга авторов, связанных с сентиментализмом, — одна из важных заслуг П. А. Орлова, книга которого явилась существенным этапом в изучении этого направления.²³ В частности, здесь подробно рассматривается творчество таких писателей, как Н. С. Смирнов и И. И. Мартынов.²⁴ Их имена наряду с Радищевым представляют «демократическое течение» в русском сентиментализме, которому противостоит, как считает исследователь, «более обширное по своему составу — дворянское, видными деятелями которого были М. М. Херасков, М. Н. Муравьев, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, П. Ю. Львов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, П. И. Шаликов».²⁵ Однако такое резкое

²¹ См.: *Серман И. З.* Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 188—225.

²² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 123.

²³ *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. М., 1977.

²⁴ Очерки П. А. Орлова о творчестве этих писателей как представителей «демократического сентиментализма» были опубликованы ранее: *Орлов П. А.* 1) К вопросу о демократическом лагере в русском сентиментализме XVIII в.: (Даурец Номохон — Николай Смирнов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Филология. 1969. № 1. С. 29—40; 2) К вопросу о демократическом лагере русского сентиментализма: (Повесть И. И. Мартынова «Филон») // Там же. 1972. № 2. С. 19—31.

²⁵ *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. С. 29.

разграничение по социологическому принципу и решительное противопоставление «демократического лагеря» дворянскому представляется слишком прямолинейным и возвращающим к изжитым схемам. Демократизация общественного и культурного сознания — процесс достаточно сложный, и самое деятельное участие в нем принимали и так называемые «дворянские» сентименталисты во главе с автором «Бедной Лизы». Едва ли также можно согласиться с тем, что «в русском сентиментализме героями-антагонистами стали крепостной крестьянин и помещик-крепостник». Проблематика этого направления гораздо шире, а социальные противоречия — лишь один из аспектов, причем далеко не всегда присутствующий в произведениях сентименталистов.

При рассмотрении конкретного материала П. А. Орлов перво-степенное внимание уделил хронологии, особо поставив вопрос о периодизации русского сентиментализма. Исследователь выделил четыре основных этапа в развитии направления: 1) 1760—1775 гг. — период зарождения сентиментализма, нашедший отражение в журналах Хераскова, в его «слезных драмах», сочинениях В. И. Лукина и других авторов, в романе Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (1766), в «Утренниках влюбленного» (1779) В. А. Левшина, в «Дневнике одной недели» А. Н. Радищева;²⁶ 2) 1776—1789 гг. — период, отмеченный появлением комической оперы Н. П. Николева «Розана и Любим» (1776) и переходом Муравьева от классических од к сентиментальной поэзии; 3) 1789—1796 гг. — период расцвета сентиментализма, время создания лучших произведений Карамзина и Радищева, прозаических сочинений Муравьева («Обитатель предместия», «Эмилиевы письма») и других авторов: Н. Ф. Эмина, П. Ю. Львова; 4) 1796—1811 гг. — «время упадка и разложения сентиментализма».

Несомненно, этот опыт периодизации русского сентиментализма очень полезен: он помогает систематизировать важнейшие явления и проследить те или иные тенденции, характерные для направления на разных стадиях его существования. Разумеется, с точностью до года довольно затруднительно выделять не только период сентиментализма в целом, но и его отдельные этапы. Намеченные вехи можно принять лишь как ориентир, причем с необходимыми уточнениями. Так, проза Муравьева 1770-х гг. уже обнаруживает качественно новые тенденции, предвещающие дальнейшее развитие литературно-документальных жанров. На-

²⁶ Вопрос о датировке «Дневника одной недели» решается исследователями по-разному. Более убедительным представляется, что это произведение было создано не в 1770-е гг., а в поздний период творчества Радищева — после 1792 г., возможно в 1801—1802 гг. См.: *Галаган Г. Я.* Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева: Вопрос о датировке // *А. Н. Радищев и литература его времени*. Л., 1977. С. 67—71. (XVIII век. Сб. 12); *Лазарчук Р. М.* «Дневник одной недели» А. Н. Радищева: (К проблеме датировки) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 75—84.

конец, датировка и характеристика последнего этапа вызывают решительные возражения. «Временем упадка и разложения сентиментализма» едва ли можно назвать период, когда Карамзин интенсивно продолжает свою писательскую деятельность (его произведения, напечатанные в альманахе «Аониды» (1796—1799) и «Вестнике Европы» (1802—1803), нельзя искусственно отъединять от предшествовавшего творчества). В первые десятилетия XIX в. разворачивается издательская и литературная деятельность таких незаурядных сентименталистов, как В. В. Измайлов, П. И. Макаров; появляется все больше сентиментальных «путешествий» и повестей. Вся «массовая» литература связана в это время преимущественно именно с сентиментализмом, что неизбежно отражается и во многих значительных произведениях, например в знаменитом романе В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814).²⁷ Одновременно не только сохраняется, но продолжает заметно расти интерес к европейской литературе сентиментализма, о чем свидетельствует возрастающее число переводов произведений Л. Стерна, Ж. Ж. Руссо, не говоря уже о таких авторах, как А. Коцебу, А. Лафонтен, Ф. Г. Дюкре-Дюмениль, С. Ф. Жанлис, Ж. Ф. Мармонтель, Ж. П. Флориан и т. д.

Е. Н. Купреянова, Ф. З. Канунова, П. А. Орлов последовательно пользовались термином «сентиментализм», что еще раз может подтвердить наблюдения английского исследователя Дж. Смита, который отметил любопытную закономерность: историки русской литературы предпочитают именно этот термин; историки европейской литературы, и в особенности английской, — термин «преромантизм».²⁸ Проследивая историю возникновения и употребления этих терминов, автор ставит вопрос: не представляют ли они собой разные названия одного и того же явления? В этом случае автор предлагает во избежание путаницы отказаться от «русского» термина «сентиментализм» и тут же ставит новый вопрос: «Но, может быть, сентиментализм — термин, оправданный какими-то отличительными чертами русской литературы?»²⁹

Однако оба термина продолжают существовать и прилагаться не только к русской литературе, как хорошо показал в своих обзорах польский исследователь В. Ковальчик.³⁰ Термин «преромантизм» («предромантизм») особенно часто употребляется в широком смысле — в соответствии с тем значением, которое ему

²⁷ См.: Петрунина Н. Н. Проза 1800—1810-х гг. // История русской литературы. Т. 2.: От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 69.

²⁸ Smith G. S. Sentimentalism and Preromanticism as Terms and Concepts // Russian Literature in the Age of Catherine the Great: A Collection of Essays / Ed. by A. G. Cross. Oxford, 1976. P. 173—184.

²⁹ Ibid. P. 182.

³⁰ Kowalczyk W. 1) O pojęciach «sentymentalizmu» i «preromantyzmu» w nauce o literaturze // Przegląd humanistyczny. 1979. N 8. S. 97—110; 2) O pojęciach «sentymentalizmu» i «preromantyzmu» we współczesnym literaturoznawstwie // Zagągnięcie prądów i kierunków w literaturze rosyjskiej. Prace naukowe uniwersytetu śląskiego. Katowice, 1980. N 400. S. 43—48.

придавал П. Ван Тигем, автор фундаментальных трудов, посвященных европейской литературе XVIII—XIX вв.³¹ Французский ученый подразумевал под «преромантизмом» все литературное движение, предшествовавшее собственно романтизму.³² В то же время другие историки европейской литературы продолжали отдавать предпочтение термину «сентиментализм». Так, еще в исследовании Х. Феэрчайлда³³ говорилось о сентиментализме как широком «религиозном, философском и эстетическом движении», в котором проявились наиболее полно и глубоко и «преромантические тенденции».

Проблеме сентиментализма был посвящен очерк венгерского исследователя Й. Вальдапфеля, предметом внимания которого стало творчество прозаика XVIII в. Й. Кармана.³⁴ По мнению ученого, ошибочно определять период, непосредственно предшествовавший романтизму, как «преромантизм» — можно выделить в этом периоде лишь отдельные преромантические явления. В целом же, особенно применительно к творчеству Кармана, Й. Вальдапфель предпочитает пользоваться термином «сентиментализм».

В сербской и болгарской литературах отмечались определенные этапы, соотносимые с литературой русского сентиментализма.³⁵ Оригинальный подход к изучению сентиментализма был намечен при сопоставлении этого направления с барокко и рококо.³⁶

Вместе с тем все заметнее становится стремление к дифференциации терминов «сентиментализм» и «преромантизм», что связано с более глубоким проникновением в суть самих явлений. С одной стороны, появились работы, в которых обстоятельно характеризуется русский преромантизм — не как синоним сентиментализма, но как течение, имеющее свои специфические черты.

Так, А. В. Архипова³⁷ пользуется термином «предромантизм» для обозначения «того направления литературы, в котором выражены <...> тенденции к историзму, психологизму, народ-

³¹ Van Tieghem P. Le Prérromantisme: Etudes d'histoire littéraire européenne. Paris, 1924—1947. Т. 1—5; 2) Le Romantisme dans la littérature européenne. Paris, 1948 et 1969.

³² Van Tieghem P. Le Romantisme dans la littérature européenne. Paris, 1969. P. 28—29.

³³ Fairchild H. N. Religious trends in English Poetry. New York, 1950. Vol. 2; Religious sentimentalism in the age of Johnson. P. 367. (First printing — 1942).

³⁴ Waldapfel J. Le sentimentalisme et le maître de la prose hongroise du 18-e siècle, J. Kármán // Waldapfel J. À travers siècles et frontières. Études sur la littérature hongroise et la littérature comparée. Budapest, 1968. P. 154—186.

³⁵ См.: Вулетућ В. Сентименталистичка струја у књижевности српског препорода и руска књижевност // Књижевност и език: Реферати за IX Конгрес југословенских слависта. 1979. № 2—3. С. 213—223; Боева Л. Русский сентиментализм // Болгарская русистика. 1984. № 4. С. 33—40.

³⁶ См.: Kostkiewiczowa T. Klasycyzm. Sentymentalizm. Rokoko: Szkice o prądach literackich polskiego Oświecenia. Warszawa, 1975.

³⁷ Архипова А. В. О русском предромантизме // Рус. литература. 1978. № 1. С. 14—25.

ности».³⁸ Говоря о национальных особенностях русского предромантизма, исследовательница отметила, что интерес к отечественной старине, характерный и для европейских литератур, связанных с этим направлением, в России сделался ведущим. Вместе с тем представление о том, что «предромантизм — очень неоднородное течение, характеризующееся прежде всего постоянным развитием и изменениями»,³⁹ безусловно может быть отнесено и к сентиментализму, впрочем так же как и к любому литературному направлению.

В. А. Западов выступил с развернутой характеристикой предромантизма как самостоятельного направления, внешне сходного с сентиментализмом, но качественно совершенно иного. Говоря об общих чертах этих направлений, исследователь отмечает, что они «выдвинули на первый план человеческую личность, оба с большим вниманием относились к человеческому чувству. . .»⁴⁰ Разносторонне показывая особенности русской литературы предромантизма, который связывается прежде всего с именами Г. Р. Державина и Н. А. Львова, а также М. Н. Муравьева, В. А. Западов говорит о художественных достижениях этого направления, основными принципами которого считает «признание примата вдохновения в качестве источника поэтического творчества и выдвижение на первый план индивидуальности, взятой в окружающем ее объективно-реальном, конкретно-чувственном мире».⁴¹ Стремясь разграничить сентиментализм и предромантизм, исследователь сосредоточивает внимание на вопросах поэтики, подчеркивая, в частности, те моменты, которые сближают писателей классицизма и сентиментализма. Предромантизм ведет, по мнению В. А. Западова, непосредственно не только к романтизму, но и к реализму. Однако многие черты, выделенные исследователем как присущие предромантикам, могут быть обнаружены и у сентименталистов, особенно у Карамзина: «образ автора, органически входящий в произведения»; «попытки создания индивидуальных характеристик людей»; в особенности же — «идея ценности личности, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества».⁴² Трудно поэтому согласиться и с общей оценкой направления: «Сентиментализм с его нормативностью, камерностью и внеисторизмом заводил в тупик, вел к эпигонству шаликовского типа».⁴³ По-видимому, эпигоны есть у каждого более или менее ярко выраженного направления, и их творчество тоже представляет собой несомненный историко-

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Западов В. А. Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века. Статья 3-я: Сентиментализм и предромантизм в России // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1983. С. 140.

⁴¹ Там же. С. 144.

⁴² Там же. С. 148.

⁴³ Там же. С. 136.

литературный интерес. В то же время показательно, что «карамзинистами» оказываются не только и не столько писатели типа Шаликова, сколько Батюшков и Жуковский, отчасти молодой Пушкин, а традиции русского сентиментализма прослеживаются на протяжении нескольких десятилетий XIX в.

Рассматривая сентиментализм как исключительно плодотворное явление в истории мировой культуры, в том числе и русской, В. И. Каминский пришел к следующему выводу: «Едва ли можно считать и в настоящее время исчерпанными традиции сентиментализма (...) Сентименталистская тенденция в реалистическом искусстве представляется одной из активных и продуктивных форм современного литературно-художественного прогресса».⁴⁴

Благодаря новейшим фундаментальным трудам, посвященным эстетическим взглядам и творчеству Жуковского,⁴⁵ была более глубоко выявлена роль Карамзина и литературы сентиментализма в целом в формировании художественных принципов этого непосредственного предшественника Пушкина. Современные исследователи прослеживают традиции сентиментализма у Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого.⁴⁶ «Именно сентиментализм, — пишет Э. М. Жиякова, — внес в сокровищницу мирового искусства комплекс нравственно-этических проблем, отмеченных глубоким интересом к духовному, идеальному содержанию личности».⁴⁷

Венгерская исследовательница М. Тетени также обратила внимание на актуальность изучения сентиментализма как самостоятельного направления. Сопоставляя при этом литературу русского и венгерского сентиментализма, М. Тетени высказала мысль, важную в методологическом отношении: «...применение сравнительно-исторического метода к изучению литературы сентиментализма создает возможность не только для выявления общих стилистических и тематических признаков, характеризующих это направление в его общеевропейском контексте. Он плодотворен также при определении тех специфических черт художественного и идеологического характера, которые отличают направление в литературе стран, относящихся к одной культурной

⁴⁴ Каминский В. И. К вопросу о сентименталистском художественном методе в литературе // Рус. литература. 1984. № 2. С. 124—137.

⁴⁵ См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске / Под ред. Ф. З. Кануновой, Н. Б. Реморовой, А. С. Янушкевича. Томск, 1978—1988. Ч. 1—3; см. также: Янушкевич А. С. Влияние сентиментализма на Жуковского-поэта // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века. М., 1988. С. 152—169; Канунова Ф. З., Янушкевич А. С. Своеобразие романтической эстетики и критики В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 7—47; Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л., 1989. С. 18—61.

⁴⁶ См.: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981. С. 18—20; Жиякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844—1849). Томск, 1989.

⁴⁷ Жиякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. С. 3—4.

зоне, — стран Центральной и Восточной Европы, экономическое, общественное, а следовательно, и культурное, литературное развитие которых проходило во многом в сходных условиях, но эти условия существенно отличались от условий развития западно-европейских стран».⁴⁸

Вместе с тем для более глубокого понимания историко-художественной общности, существовавшей между русским сентиментализмом и аналогичными феноменами европейской культуры, необходимо обратить внимание на представления о XVIII столетии как «веке чувствительности» — «the Age of Sensibility».⁴⁹

Французские исследователи называли соответствующие явления «литературной чувствительностью» («la sensibilité littéraire») ⁵⁰ или «литературой чувства» («la littérature de sentiment»).⁵¹

В немецкой литературе получило широкое распространение определение XVIII столетия как «века чувствительности» («das Zeitalter der Empfindsamkeit»). В монографии Р. Крюгер ⁵² «Empfindsamkeit» рассматривается как широкое движение, проявившееся в самых разных сферах культуры, причем наиболее ярко именно в литературе. Этот период в немецкой культуре, по мнению исследовательницы, приходит на смену рококо и предшествует романтизму. «Чувствительность» характеризуется как понятие, имеющее непосредственное отношение к проблемам психологии и педагогики, приобретшим большое значение для писателей, связанных с этим направлением.

Особо следует остановиться на фундаментальном труде немецкого ученого Г. Заудера.⁵³ Первый том этого труда («Предпосылки и элементы») представляет собой текст диссертации, защищенной в Гейдельбергском университете в 1973 г. «Чувствительность» изучается здесь как одна из тенденций Просвещения, вовсе не отрицающая значение разума, но принесшая новое представление о роли чувства. «Чувствительность» («Empfindsamkeit») трактуется как более широкое понятие, чем «сентименталь-

⁴⁸ Тетени М. Проблемы и задачи изучения литературы сентиментализма // Hungaro-Slavica. Budapest, 1983. P. 325.

⁴⁹ См.: Tuveson E. Shaftesbury and the Age of Sensibility // Studies in Criticism and Aesthetics. 1660—1800: Essays in honor of S. N. Monk. Minneapolis, 1967. P. 73—93; Szegegy-Maszkák M. English Poetry in the Age of Sensibility: A typological Approach // Studies in Eighteenth-Century Literature. Budapest, 1974. P. 117—187.

⁵⁰ Dédéyan Ch. Jean-Jacques Rousseau et la sensibilité littéraire à la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1966.

⁵¹ Grenet A., Jodry C. La littérature de sentiment au XVIIIe siècle. Paris, 1971. T. 1—2.

⁵² Krüger R. Das Zeitalter der Empfindsamkeit. Leipzig, 1972.

⁵³ Sauder G. Empfindsamkeit. Stuttgart, 1974. Bd. 1: Voraussetzungen und Elemente. 1980. Bd. 3: Quellen und Dokumente. Третий том представляет собой антологию немецких произведений, демонстрирующих проявление «чувствительности» в разных жанрах — как литературных, так и литературно-документальных. К сожалению, сведениями о втором томе, содержание которого конспективно изложено в первом томе (с. 237—238), мы не располагаем.

ность» («Sentimentalität»). Однако, по мнению автора, и «сентиментальность» играет при этом немалую роль — ее следует рассматривать как последнее проявление чувствительности в Просвещении.⁵⁴ Г. Заудер подробно прослеживает историю терминов «sensibilité», «sensitivity», «Empfindsamkeit». Термин «сентиментализм» («Sentimentalismus») исследователь предпочитает не употреблять, поскольку с этим словом, так же как и со словом «сентиментальность» («Sentimentalität»), связывалось представление о ложной чувствительности — представление не историческое, но характерное для современного словоупотребления. Говоря о предпосылках возникновения «чувствительности», Г. Заудер обращается к таким явлениям европейской духовной жизни XVIII в., как пиеизм, теория «нравственных чувств», деятельность французских энциклопедистов и др. Таким образом, формирование нового мировосприятия становится, как показывает исследователь, результатом общей филиации идей, типичной для европейской культуры того времени. Несомненный интерес представляет обзор «элементов» «чувствительности», включающей и «энтузиазм», и «мечтательность», и «скуку», и «меланхолию», и «сочувствие», и «смешанные ощущения» и т. п. В то же время этот анализ ведет к несколько формальному расчленению сложного комплекса, существующего в некоем единстве — конкретно в творчестве того или иного автора, в контексте определенного произведения. Кроме того, выделенные элементы достаточно разнотипны и не всегда соизмеримы по своему значению.

Разумеется, было бы неправомерно проецировать предложенную схему, построенную на материале европейских литератур (преимущественно немецкой), на процесс развития русской литературы конца XVIII—начала XIX в., имевший свои специфические национальные особенности. Однако нужно признать, что европейское понятие «чувствительность» находит самую непосредственную аналогию и в русской культуре того времени, сохраняя при этом известную амбивалентность.

В отечественном литературоведении уже обсуждался вопрос о том, является ли категория «чувствительность» гносеологической или эстетической.⁵⁵ Благодаря возникшей полемике выявляется неоднозначность термина.

Если обратиться к переводным и оригинальным русским текстам конца XVIII—начала XIX в., можно найти примеры,

⁵⁴ «Dabei spielt Sentimentalität keine geringe Rolle — sie ist als letzter Ausläufer der Empfindsamkeit in der Aufklärung zu betrachten» (Sauder G. Empfindsamkeit. Bd I. S. XV).

⁵⁵ См.: Орлов П. А. 1) Русский сентиментализм. С. 27—28; 2) Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 6—8; Зорин А. Двести лет спустя. [Рец. на названный сборник] // Вopr. лит. 1980. № 3. С. 279—283; Тураев С. В. От Просвещения к романтизму: (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII—начала XIX в.). М., 1983. С. 93—94.



свидетельствующие об употреблении слов «чувствительный», «чувствительность» в разных значениях. Два основных толкования предлагались уже в словарях XVIII в. Так, при переводе на русский язык «Словаря Французской академии» («Dictionnaire de l'Académie Française» (4-me éd. Paris, 1762. Т. 1—2)) слово «sensibilité» объяснялось следующим образом: «...чувствительность, свойство, по которому кто чувствителен ко впечатлениям предметов...» Далее особо выделялось понятие «sensibilité du coeur»: «...чувствительность сердца, то есть сострадательность, жалостливость; также горячность, горячность, нежность сердца».⁵⁶ Эти два значения прочно закрепились в русском литературном языке 1770—1790-х гг., что нашло отражение в «Словаре Академии Российской». Слово «чувствительность» толкуется здесь так: «1) Движение души, возбужденное или возбуждаемое в оной чрез впечатление действующих на чувственные орудия внешних предметов. 2) Сострадательность, качество трогательного человека несчастьем другого. Чувствительность сердца».⁵⁷ Соответственно приводились и два основных значения слова «чувствительный».

Второе, переносное, значение слова «чувствительный» не заставило отказаться от его употребления в первом значении: «чувственный», «ощутимый», связанный с внешним ощущением (соответствие французскому «sensible»). Так, переводя с французского философские письма Ф. В. Ушакова, Радищев переводит слово «sensible» как «чувствительность телесная».⁵⁸ В этом же значении писатель употребляет термин и в собственных сочинениях: «Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою».⁵⁹

Нередко слово «чувствительный» употреблялось и в значении «восприимчивый»: «Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю».⁶⁰ Характеризуя Богдановича, Карамзин говорит о его «чувствительности к лобзности женской»⁶¹ и т. д.

Однако в основном в последние десятилетия XVIII в. слово «чувствительный» становится одним из центральных понятий, связанных с новым направлением. Это понятие имеет прежде всего этический смысл: «чувствительный» — значит «способный к состраданию», «отзывчивый», «гуманный», «добрый», «человечный». Определение «чувствительный» стало важнейшим компонентом нравственной характеристики человека: «Чувствитель-

⁵⁶ Полный французский и русский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786. Т. 2. С. 507. (Том переведен И. И. Татищевым).

⁵⁷ Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Т. 6. С. 839.

⁵⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 208—209, 469.

⁵⁹ Там же. С. 291.

⁶⁰ Московский журнал. 1792. Ч. 6, кн. 2. С. 125. (Предисловие Карамзина к его переводу из «Саконталы» Калидасы).

⁶¹ Вестник Европы. 1803. Ч. 9, № 9. С. 8.

ная душа, ведущая благотворения плоды, приглашает в ощущаемой ею радости участвовать и других»; ⁶² «справедливый и чувствительный человек не нерадит о благосостоянии своих служителей» ⁶³ и т. д. В. С. Подшивалов обращался к «очаровывающей Природе» с просьбой: «...упой мои чувствования могущественными своими прелестями, да буду ко всему чувствителен, научи меня чувствовать деятельное сострадание к тем малодушным и несчастным человекам, которые протекают путь сея жизни в единых помышлениях о своих нуждах». ⁶⁴ В прозаическом этюде Ф. Сибирского «Чувствительная душа» содержится несколько экзальтированная, но характерная для массовой литературы сентиментализма похвала этому «неоцененному сокровищу, дару неба» — «душе чувствительной и нежной»: «...какой добродетельный смертный не пленится изящными достоинствами твоими, единому добру посвященными!» ⁶⁵

Свое этическое значение слово «чувствительность» продолжало сохранять и в первые десятилетия XIX в. Развернутое определение этого понятия, хорошо отражающее его сущность, предложил драматург Н. Н. Сандунов в речи, произнесенной на годовом собрании Московского университета 6 июля 1820 г.: «Чувствительность, сие нравственное тончайшее и драгоценнейшее внутреннее ощущение, в человеке существующее (<...>) Чувствительность есть зародыш совести. Чувствительность с совестью неразлучны; в ком есть чувствительность, в том есть и совесть; нечувствительный бессовестен, а бессовестный нечувствителен (<...>) Совесть есть благовонный плод древа чувствительности; искорени первое, последнему произрасти нельзя». ⁶⁶

Конечно, рассматриваемые понятия связаны с целым кругом эмоционально-психологической лексики, получившей широкое распространение благодаря литературе сентиментализма. ⁶⁷ Тем не менее слово «чувствительность» остается ключевым, определяющим суть нового направления, пришедшего на смену классицизму. Это понятие и идейно, и стилистически связано, в первую очередь, с теми явлениями в истории культуры — как европейской, так и русской, — которые ассоциируются именно с сентиментализмом, но не преромантизмом.

Ближайшим соответствием русскому слову «чувствительный» в его переносном значении в английском и французском языках

⁶² Зеркало света. 1786. Ч. 2. С. 147.

⁶³ Там же. Ч. 6. С. 763.

⁶⁴ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. 1. С. 3—4.

⁶⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 14. С. 45.

⁶⁶ Сандунов Н. Н. Слово о необходимости знать законы гражданские и о способе учить и учиться российскому законоведению. М., 1822. С. 14—15.

⁶⁷ См.: Войнова Л. А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 207—233; Keipert H. Rühren. Ein Leitwort der Empfindsamkeit als Übersetzungsproblem im Russischen um 1780 // Byzantine Studies/Etudes Byzantines. 1981, 1984 and 1985. Vol. 8, 11—12. P. 197—205.

было слово «sentimental».⁶⁸ Уже в XVIII в. это слово появилось и в русском языке: «сентиментальный» как синоним слова «чувствительный». Так, в одном из редакторских примечаний В. С. Подшивалов писал: «Кто из нежных сердец не любит *сентиментальных* сцен?»⁶⁹ При этом выделение курсивом, очевидно, подчеркивало новизну употребленного слова. Характерно, что оно не было включено в «Словарь Академии Российской» и многие последующие словари. Впервые оно фиксируется лишь в «Толковом словаре» В. И. Даля, причем в объяснении присутствует уже негативный оттенок: «приторно чувствительный, изнеженно трогательный».⁷⁰ В то же время при толковании понятия «чувствительный человек» сохраняется смысл, который вкладывали в него в XVIII в.: «Чувствительный человек — чутый, весьма восприимчивый, впечатлительный; мягкосердый, милосердый; у кого острые чувства или тонкое чувствилище или нравственное чувство сильно развито».⁷¹

Наконец, слово «сентименталист» («сантименталист»), отсутствующее даже у Даля, употреблялось уже на рубеже XVIII—XIX вв. Примечательно, что одним из первых его стал вводить в русский язык переводчик Стерна Я. А. Галинковский, который разъяснил читателям, что «сантименталист» — это «филантроп (человеколюбивый)».⁷² Здесь же давалось определение слова «сантиментальность»: «тонкая, нежная и подлинная чувствительность».⁷³

Постепенное расхождение понятий «сентиментальный» и «чувствительный», зафиксированное В. И. Далем, способствовало тому, что и возникший позднее историко-литературный термин «сентиментализм» продолжал сохранять некоторый негативный оттенок. Между тем признание изначальной исторической близости этих понятий позволяет восстановить в правах термин, вынесенный в заглавие настоящего исследования.

Говоря о сентиментализме в русской литературе конца XVIII—начала XIX в., необходимо иметь в виду, что с этим направлением связана деятельность целого поколения писателей, выступивших и до Карамзина, и одновременно с ним, но действовавших достаточно независимо. Сентиментализм не исчерпывается карамзинизмом, хотя Карамзин наиболее полно и глубоко выразил основные тенденции этого направления. В его творчестве можно найти

⁶⁸ В английском языке это слово получило распространение задолго до «Сентиментального путешествия» (1768) Л. Стерна. См.: *Erämetsa E. A Study of the Word «Sentimental» and of other Linguistic Characteristics of Eighteenth-Century Sentimentalism in England.* Helsinki, 1951. P. 22.

⁶⁹ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 7. С. 143.

⁷⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1866. Ч. 4: Р—У. С. 157.

⁷¹ Там же. С. 559.

⁷² От переводчика // Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец. Перевод с аглинского Я. А. Галинковского М., 1801. С. II.

⁷³ Там же.

элементы и преромантизма, и рококо, и даже классицизма, но доминантой остается именно сентиментализм. Сопоставительный анализ произведений Карамзина и Муравьева обнаруживает, насколько близки их художественные принципы, как последовательно Карамзин развивал то, что было намечено у Муравьева — в его набросках, сочинениях и письмах, большинство которых не публиковались при жизни писателя. Таким образом, речь идет чаще всего не о непосредственном влиянии (оно, разумеется, тоже имело место), но об определенной общности мировосприятия, обусловленной филиацией идей, охватившей как европейскую, так и русскую культуру, о «ментальности» эпохи.

Наиболее сложным остается вопрос об отношении к сентиментализму Радищева, имеющий далекую историю и продолжающий служить предметом дальнейших дискуссий.⁷⁴ Можно по-разному решать вопрос о доминанте в его творчестве, но причастность писателя к художественным исканиям сентиментализма представляется несомненной. Многие произведения авторов, которых нельзя назвать сентименталистами, также отражают важные тенденции этого направления. Поэтому вполне закономерно, что в современном литературоведении идет речь о сентиментализме в творчестве не только Радищева, но и Фонвизина, и даже В. П. Петрова.⁷⁵

Любая самая убедительная схема оказывается в противоречии с живым, постоянно меняющимся историко-литературным процессом, в нем сложно и порой причудливо переплетаются разные течения, немаловажную роль играют и личные отношения между литераторами и их группировками (нельзя, например, забывать о тесных творческих и дружеских связях Карамзина с писателями львовско-державинского кружка, особенно с самим Державиным).

В настоящем исследовании внимание будет сосредоточено на проблемах, которые, как правило, не были еще предметом специального изучения, хотя возникали при обращении к творчеству отдельных писателей, прежде всего Муравьева и Карамзина. Так, ставился вопрос об отношении Карамзина к идеям Просвещения,⁷⁶ но до сих пор остается неразработанной про-

⁷⁴ См.: Кулакова Л. И. О некоторых особенностях творческого метода А. Н. Радищева // Вопросы истории русской литературы. Л., 1961. С. 3—21. (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 219); Орлов П. А. Русский сентиментализм. С. 145—162; Западов В. А. Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века. Л., 1978. С. 69—100; Стенник Ю. В. Проблема реализма в русской литературе XVIII в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 18—51; Каминский В. И. К вопросу о сентименталистском художественном методе в литературе. С. 125.

⁷⁵ Стенник Ю. В. Проблема реализма в русской литературе XVIII в. С. 31—40; Такиуллина И. Ф. Литературные направления второй половины XVIII в. и творчество В. П. Петрова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1984. С. 20—25.

⁷⁶ См.: Макогоненко Г. П. Карамзин и Просвещение // Славянские литературы: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 295—318.

блема «Просвещение и литература русского сентиментализма». Речь идет об отражении этих идей в эстетике всего направления, об исторической концепции, свойственной писателям, связанным с ним (при всех частных различиях, обнаруживающихся в разных произведениях); об отношении к проблеме воспитания, о трактовке идеи внесловной ценности человека.

Остается актуальной задачей и изучение эстетики русского сентиментализма. Если взгляды на искусство Муравьева и Карамзина неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, то целостной характеристики сентименталистской эстетики (с учетом произведений второстепенных авторов) до сих пор не было еще представлено. Необходимость обращения к этой теме особенно ощутима после появления специальных трудов, посвященных вершинным явлениям русской эстетической мысли XVIII в., а также литературной теории русского классицизма.⁷⁷ Кроме того, углубленное изучение русско-европейских контактов XVIII в. позволяет рассматривать эстетику русского сентиментализма в более широком контексте. Все это имеет и самое непосредственное отношение к третьей проблеме — проблеме героя, которая фактически впервые получает разработку в настоящем исследовании.

Предметом изучения были преимущественно произведения, созданные в период, когда сентиментализм сформировался как самостоятельное направление и сделался преобладающим в массовой литературе, т. е. хронологические рамки охватывают около четырех десятилетий: с 1780-х по 1810-е гг.

Материалом исследования служили сочинения не только наиболее замечательных авторов, таких как Муравьев и Карамзин, но и многочисленных менее известных писателей, сыгравших, однако, свою роль в развитии сентиментализма (В. В. Измайлов, А. И. Клушин, И. В. Лопухин, П. Ю. Львов, П. И. Макаров, М. И. Невзоров, В. С. Подшивалов, И. П. Тургенев, П. И. Шаликов и др.), а также произведения массовой литературы, в том числе анонимные. Кроме авторских прижизненных сборников изданий были просмотрены журналы и сборники конца XVIII—начала XIX в. — как печатные, так и рукописные. Тексты произведений Радищева, Фонвизина, стихотворения Карамзина и Муравьева приводятся по современным авторитетным изданиям. Однако большинство текстов XVIII—начала XIX в., включая прозу Карамзина, цитируются по первой публикации, поскольку именно она вводила произведение в историко-литературный процесс и оказывала воздействие на него в соответствующий хронологический момент. В книге использованы также литературно-доку-

⁷⁷ См.: Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968; Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М., 1983; Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981; Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981. См. также: Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973; Москвичева Г. В. Русский классицизм. М., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Литература русского сентиментализма и Просвещение	24
Воспитание ума и «образование сердца»	27
Идея прогресса	42
Представление о внесловной ценности человека	58
Пути формирования и основные принципы эстетики сентиментализма	75
Проблема подражания	78
Представления о вкусе	93
Представления о возвышенном	105
Единство красоты и добра	122
Представления о назначении искусства и образе творца	139
Герой литературы русского сентиментализма	155
Чтение в жизни «чувствительного» героя	156
Портрет и пейзаж как средства характеристики «чувствительного» героя	189
Роль «исповеди» в раскрытии внутреннего мира «чувствительного» героя	223
Заключение	254
Избранная библиография	259
Список сокращений	271
Указатель имен	272